

Век Баланчина. Русский взгляд

Неделя великого хореографа

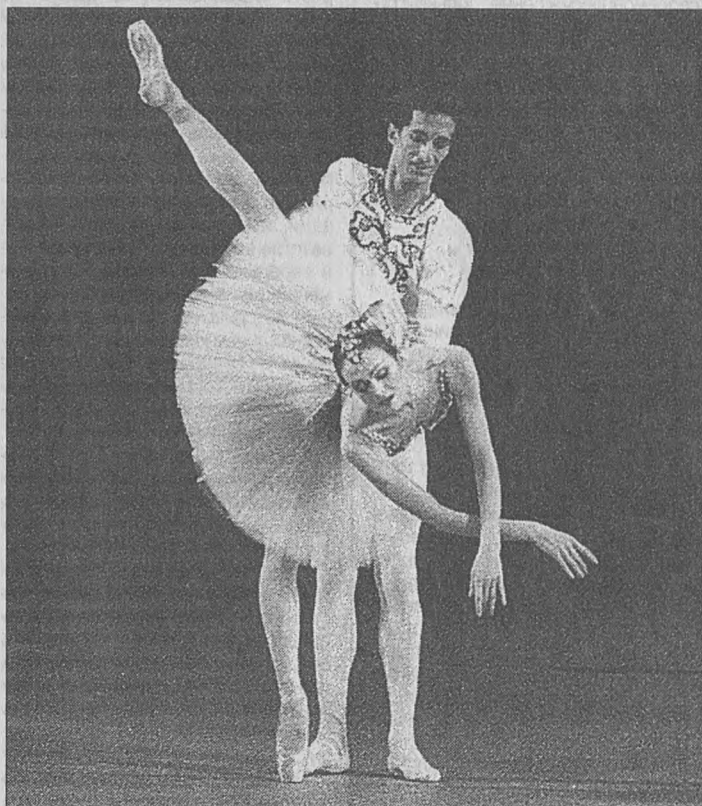
За год до события – столетия со дня рождения Георгия Баланчивадзе – начали говорить о Неделе Баланчина в Петербурге в 2004 году. Банальным ходом празднования юбилея могли стать гастролы "New York City Ballet". Руководство Мариинского театра поступило более тонко, приурочив эти гастролы к юбилею города прошлым летом. Полномасштабное выступление знаменитой нью-йоркской труппы триумфально завершило балетный календарь "Белых ночей – 2003", вслед за Гамбургским балетом и Королевским балетом Ковент-Гарден. Тогда вскрылся страшный разрыв традиций – русской и американской: и построения у современных американцев оказались симметричнее и острее, и темпы в два раза быстрее, и пачки пышнее и короче, и мужское население труппы превосходит силой и четкостью женское, а во всем остальном – мягкости пор де бра, своеобразной музыкальности, литературной задумчивости, тонкой сюжетности – американцы явно уступали нашим. Таким образом, урок американской скорости и напора был дан прошлым летом, а на нынешнем фестивале решили усилить тему русского Баланчина – показать максимум баланчинских балетов из репертуара Мариинки и пригласить младшего брата – Пермский балет, с 1997 года успешно освоивший пять балетов Баланчина и за "Ballet Imperial" даже получивший в апреле "Золотую Маску". Большой театр в кортону наследников не включили, наверное, из-за небрежного отношения к постановкам балетов Баланчина и их хранению.

Театральная часть фестиваля сопровождалась научной и музейной: в Эрмитажном театре проходила конференция с американскими и русскими участниками, а в фойе, замыкая круг основной экспозиции Эрмитажа, открылась выставка, посвященная петербургскому периоду жизни Баланчина – с училищными фотографиями, афишами, автографами и костюмами. Фестивальный буклет "Век Баланчина" превосходно составленный и оформленный Павлом Гершензоном, включил в себя также каталог выставки и погодную хронику жизни Баланчина.

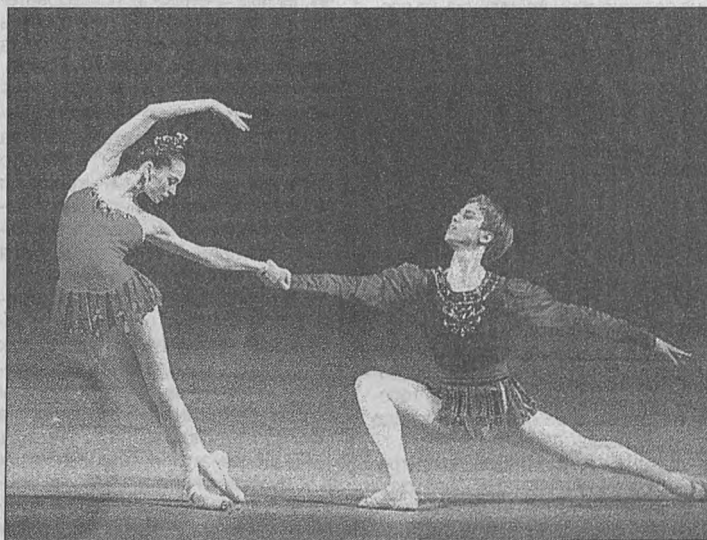
Но главные события происходили на сцене: русские представляли Баланчина своим и американцам, знающим, как все должно быть. На самом деле, приоритет русского стиля ис-

полнения имеет свой смысл. Если императорский стиль француза Петипа бывает только петербургский, или, точнее, маринский, а все остальное под этой маркой – поздние копии и качественные подделки, то наследие Баланчина, этого Петипа XX века, которое хранится в ногах его балерин и танцовщиков, бытует по-другому. Сам Баланчин по несколько раз брался за одни и те же балеты, следуя моде времени и собственному чутью. Хореографический текст оставался, но менялся рисунок спектаклей, так как Баланчин был дизайнером не меньше, чем хореографом: он легко менял черное на белое, постоянно модернизировал и, наоборот, архайзировал форму пачек, скупость купальника менял на барочную пышность и, главное, учитывал традиции театра, где он ставил (именно заново ставил, а не переносил) свои балеты. Поэтому, когда артисты переносят его балеты, они передают ту версию, которую знают. Учитывая, что Баланчин на протяжении жизни так менялся, не говоря уже о разных периодах и направлениях его работы, стилистика не может закоснеть в одной и той же форме. И когда приглашенная на баланчинские празднования Меррил Эшли, официальный педагог "New York City Ballet", давала в Мариинке показательный класс, невероятно любопытное и очень познавательное с точки зрения исследователя зрелище, единство и борьба противоположностей достигли высшей точки. То, что показывали маринские артисты, было абсолютно самодостаточным и не нуждалось в коррекции, а движения балерины создавали дискомфорт артистам и пищу для размышлений собравшимся в зале искусствоведам.

На самом деле размышления о самодостаточности национальных стилей и о бытовании "петербургского" или "пермского" Баланчина неожиданно развеялись на спектаклях. Присутствие американских менторов подстегнуло наших танцевать по-другому, нежели мы привыкли видеть. Главная маринская баланчинистка Диана Вишнева решила по-настоящему жить в "нью-йоркском" темпе. Когда она неслась по диагонали в "Тенях" из "Баядерки" (обозначенной в теме "Предтечи Баланчина"), перед глазами ясно возник тот короткий фрагмент из телевизионной версии гиперскоростного "Лебединого" Ба-

У.Лопаткина и Ж.Мартинес в сцене из спектакля "Бриллианты"

Д.Вишнева и Л.Сарафанов в сцене из спектакля "Рубины"

ланчина и как-то объяснилась вся традиционная классика хореографа – все как у Петипа, только намного быстрее и с малым кордебалетом. Очень торопились и везде успевал, прямо как нью-йоркское метро, Леонид Сарафанов в "Рубинах", смещая привычные акценты этого балета в пользу нового распределения ролей: женщине – обаяние, кокетство и блеск техники (Диана Вишнева), а мужчине – скорость, спортивность и азарт. Необычно станцевала свои любимые "Бриллианты" Ульяна Лопаткина в паре с парижской этюлью Жозе Мартинесом. В тот вечер она представила, что камни-бриллианты могут не только с достоинством и толением переливаться огранкой, но и быть объектом страстного желания обладания. Ульяна ускоряла пируэты, удаляясь от партнера на рискованные дистанции. А во время "Вальса" Равеля, когда с середины балета за пульт встал Гергиев, а с ним поменялась и передовая часть оркестра, Ульяна намеренно замедлялась, еще резче, чем на премьерке, противопоставляя себя алчному дыханию времени, и она ни разу не сбилась с ритма. Дарья Павленко вместо любимой реконструкции показала на фестивале деконструкцию – от фокинской дэвы ("Прелюд" в "Шопениане") через Терпсихору (ее дебют в "Аполлоне") к женщине-машине из Форсайта. Именно она наглядно обнаружила, что Баланчин в Мариинке уже давно освоен и стал своим, а Форсайт – более чем доступен.

Пермяки продемонстрировали образовательные преимущества репертуара Баланчина. Все, кто следит за труппой в последние годы, отметили, как выросли техника и общий уровень спектаклей. Особенно поразили темпы в "Серенаде", насколько не уступающие американским, и мелкая техника в "Доницетти-вариациях".

Так русский "Баланчин" незаметно приблизился к американскому, и столетие великого хореографа празднуется в Петербурге так, будто Баланчин как Пушкин – никому не уезжал и целиком принадлежит русской культуре.

Екатерина БЕЛЯЕВА

Фото Дмитрия КУЛИКОВА

Санкт-Петербург – Москва